Гумилев Н.С. Актеон

Одноактная пьеса в стихах

Действующие лица:
Кадм , *царь, строитель Фив.*
Эхион , *его слуга и друг.*
Актеон , *сын Кадма.*
Агава , *жена Эхиона.*
Диана .
Крокале, Ранис, Хиале, *нимфы Дианы.*
Трое юношей, *спутники Актеона.*
Три пса, *преследующие Актеона.*

Место действия — долина Гаргафии, покрытая темным кипарисовым лесом. В глубине — пещера аркой. Направо — светлый источник бежит по зеленой лужайке. Наступает вечер. Входят **Кадм** и **Эхион** .

Кадм.

Сюда, Эхион, налево! Здесь
Вчера я выломал камень,
Выломал, но Не весь,
Он был опутан корнями.
До ночи я не управился — стар!
Холодно было и сыро,
С единорогом лягался кентавр,
Блеяли в чаще сатиры.
А ты всё силен, драконий зуб,
Силен, как прежде, счастливый.
С тобою донесу я упрямый уступ
В наши юные Фивы.

(Начинают ворочать камень)

Где же Агава?
Эхион. Жена?
Кадм. Да.
Эхион.

Черные руки ломает дриадам.

Кадм. Рубит деревья?
Эхион. рубит.
Кадм. Для храма?
Эхион. Для храма.
Кадм *(насмешливо).* А храм кому, мой старый дракон?
Эхион. Тебе, господин.
Кадм *(со смехом).* Нет.
Эхион. Ну, так не знаю.
Кадм. Нам не выломать камня.
Эхион. Выломать… с песней.
Кадм *(поет, выворачивая камень)*

Отдай мне глыбу, земля! земля!
Я взнесу ее к небу, земля! земля!
И она будет в храме, земля! земля!
Бога чествовать с нами, земля! земля!
Я сказал, ты исполни, слышишь, земля?
Иль испробуешь молний Зевса, земля!
Туша проклятая, кит глухой,
Баба упрямая, ты не хочешь земля?

Эхион *(поет тотчас вслед за Кадмом)*

Белая кровь дракона, черное тело.
Господин приказал приняться за дело.
Зубы дракона, нас было много,
Мы дрались долго, и убито много,
Живые — люди, мертвые — камни.
Мы больше не будем драться.
Земля, помоги мне
Приподнять брата.

Камень поддается; работающие стирают пот и садятся отдыхать; входит ***Агава.***

Агава. Здрасте, мужчины.
Эхион. Здравствуй, жена.
Кадм. Женщина, здравствуй.
Агава.

Где же
Мальчики? Актеон
Или Пентей?

Кадм. Их нет.
Агава *(насмешливо).*

Всё те же.
Значит, на рынке Пентей
Дуракам диктует законы.
Значит, гоняют зверей
В долине псы Актеона.
А вам, старикам — ничего,
Как только ломать эту гору!
Для вас дороже всего
Еще непостроенный город.

Кадм *(с важностью).* Ты, женщина, нас не поймешь.
Агава.

Может быть!
Но только и я целый день как в угаре.

(таинственно)

Чтоб мальчикам было где время убить,
Построила я лупанарий.

Актеон *(кричит за сценой).*

Сюда, товарищи, за этой чащей
Звучат людские голоса,
Они врываются всё чаще, чаще
В темно-дремучие мои леса.
О, я непрошенным носы отрежу,
Чтоб не распугивали дичь.
Скорей, товарищи, хватай…

(Входя, замечает присутствующих)

Я брежу.
Отец, простишь мне мой дерзкий клич?

Кадм *(недовольно).*

Как, ты, Актеон? Но сегодня тебя я
Поставил следить за прокладкой канала,
А ты всё оставил, медведя гоняя.
Рабов разбежалось, должно быть, не мало.

Актеон *(со смущением).* Отец, я виновен.
Кадм *(к нему и к вошедшим юношам).*

Ну, полно, к работе!
Болтать будем после мы. Этот камень —
На площадь Судилища вы снесете,

(насмешливо)

Даже вашими белыми руками.
Актеон *(подходя к камню).* О, боги, он грязен!
Эхион. Лягушка грязнее!
Актеон. И как он тяжел!
Агава. Мог бы быть тяжелее.
Актеон *(вопросительно).* Отец?
Кадм.

Замолчи, он для храма.
Я вижу, как встанет он гордо и прямо.

Актеон.

Нет, я его не понесу.
Довольно, лопнуло терпенье.
Я для охоты здесь в лесу,
Не перетаскивать каменья.

Кади *(спокойно).* Не хочешь?
Актеон. Нет.
Кадм *(еще спокойнее).*

Так будь счастлив,
Как травы, может быть как звери.

(С внезапной торжественностью)

Но дух твой не создан по образу Фив,
Семибашенных, белых, будущих Фив,
И к богам тебе заперты двери!

Эхион *(Актеону).*

Дитя, я многого не понимаю,

Но слушай, когда говорит господин…
А я тебе рыжего львенка поймаю
В пещере, которую знаю один.

Агава *(Актеону, с другой стороны).*

Скорее, ведь камень совсем не тяжелый,
Его бы, пожалуй, одна я снесла.
Тащи его в город… а город веселый,
Сирийских танцовщиц я там припасла.

Актеон отрицательно качает головой.

Кадм *(резко Эхиону, указывая на камень)* . Берись!
Эхион *(покорно, наклоняясь).* Берусь.
Актеон.

Отец, прости,
Мне грустно, что такой ты сирый,
Но руки должен я блюсти
Для лука, девушек и лиры.
И разве надобен богам,
В их радостях разнообразных,
Тобою выстроенный храм
Из плит уродливых и грязных?!
За темной тучею Зевес
Блаженство вечное находит.
Громы, падая с нёбес,
На небо никогда не всходят.
Золотокудрый Аполлон
Блестит, великолепно-юный,
Но им не плуг изобретен,
А звонко-плачущие струны.
А Геба розовая. Пан,
А синеглазая Паллада,
Они не любят наших стран,
И ничего им здесь не надо.
А если надо, то- родник,
Лепечущий темно и странно,
Павлина — Гебе, и тростник,
Чтоб флейту вырезать — для Пана.
Поверь, их знает только тот,
Кто знает лес, лучей отливы,
И бог вовеки не сойдет
В твои безрадостные Фивы.

Кадм, Эхион и Агава с трудом выносят камень.

Первый юноша. Вот здорово.
Второй юноша. Им так и надо.
Третий юноша.

Какой ты умный, Актеон!
Так говорить — одна отрада.
Как жаль, что я не обучен.

Актеон.

Идите, товарищи, в этот вечер
Мне хочется быть одному.
Мы славно охотились; до новой встречи!
Постойте, я вас обниму.

(Обнимает их поочередно).

Первый юноша. Спать завалюсь.
Второй юноша. Напьюсь.
Третий юноша.

Вот ловко:
И спать и пить — равно уныло.

(Таинственно)

Агава, старая чертовка,
Здесь про танцовщиц говорила.

Актеон *(слегка хмурясь).* Идите же.

(Юноши уходят. ***Актеон*** *один).*

Как хорошо вокруг!
Так синевато-бледен теплый воздух,
Так чудно-неожидан каждый звук,
Как будто он рождается на звездах.
Луна стоит безмолвно в вышине,
Исполнена девической тревоги,
И в голубой полощутся волне

Серебряные, маленькие ноги.
Я вижу чуть открытый красный рот,
Мученье наше и отраду нашу,
И розовые груди… А живот
Похож на опрокинутую чашу.
Ни облачка… Она совсем одна
И кажется такою беззащитной,
Что отрок пробуждается от сна,
Неопытный еще, но любопытный.
Я лягу здесь, под этот мудрый вяз,
Ведь хоть молчит, но знает он о многом.
Я буду спать, не закрывая глаз,
И, может быть, проснусь на утро богом.

Ложится. За сценой слышно, как перекликаются серебряные голоса охотящихся девушек.

Голоса охотниц.

Аллали.
Аллали.
Кто вдали?
Это лань
Аллали.
Аллали.
Стрелой повали,
На горло стань.
Аллали.
Аллали.
Псы повели,
Бежит, бежит…
… Теперь лежит,
Аллали,
В пыли.

*Входит **Диана** в костюме охотницы; за нею нимфы.*

Крокале. Кто всех усталей?
Ранис. Хиале.
Хиале *(обиженно)* . А косы у кого расплелись?
Крокале *(со смехом).* У Ранис.
Ранис. Ну да, но я первой увидела лань.
Хиале.

Да я повернула ее у платана,

О, если б не я, то она…

Крокале.

Перестань!
Открыла, настигла, убила Диана.

Диана *(медленно, скандируя).*

Время нам ноги омыть, расстегните ремни у сандалий,
Сбросьте легкую ткань с ваших измученных плеч.

Девушки помогают ей раздеваться и болтают между собой.

Всех ты искусней, Ранис; распусти мне, пожалуйста, косы,
Простоволосой, как ты, в чистый войду я ручей.

Ранис.

Я встретила Ио. Бедняжка!
Бежит, а оса над ней.

Крокале. Быть Зевсом любимой — тяжко.
Хиале *(со вздохом).* А Марсом — еще тяжелей.
Ранис *(недоверчиво)* . Как, Марс тебя любит?
Хиале.
В трущо**бы**
За мной он зашел далеко.
Ранис и Крокале *(с интересом)* . Настиг?
Хиале *(скромно).* Нет, конечно.
Крокале

Еще бы,
Сознаться всем не легко.

*В это время **Актеон** поднимается, протягивает руки к **Диане** и говорит, восторженно, как в бреду.*

Актеон.

Я знал, что она придет,
Я знал, что я тоже бог,
И мне лишь губ этих мед,
Иного я пить не мог.

И мне снега этих рук,
Алмазы светлых очей,
И мне этот сладкий звук
Ее неспешных речей.
Отец мой не смертный… Мать,
Наверно любил Зевес
И сыну решил он дать
Женой усладу небес.
Большие звезды горят,
Земная печаль — как дым,
Я знаю, я стал крылат,
Мой лук, он стал золотым.

Поднимает свой лук, тот ломается и падает с сухим треском. Актеон смотрит на него с удивлением.

Крокале . Подруги, человек!
Ранис.

Скорей,
Стеною станем вкруг богини
И бедной наготой своей
Прикроем вечные святыни.

Крокале. Дерзкий!
Хиале.

Я изнемогаю,
От стыда горя…
Кто это?

Ранис.

Его я знаю,
Кадма сын, царя.

Диана.

Нет, ты ошиблась, Ранис, то не сын благородного Кадма,
Смертный не может зреть светлой моей нагота.

(К Актеону)

Будь, чем ты должен быть!

(Актеон откидывается и, когда выпрямляется, видно, что у него голова оленя).

Успокойтесь, смотрите, подруги,
Это — добыча стрелы, это — пугливый олень,

(Исчезает вместе с нимфами)

Актеон *(один, озирается чутко и неловко).*

Кажется, здесь были люди.
А какая вкусная трава,
Какая холодная вода,
Мне хочется здесь пастись.
Но что я говорю?
Я человек, я Актеон…
Нет, я олень, только олень,
Иль это сонные чары?

Появляются странные существа с собачьими головами. ***Актеон*** *мечется в ужасе, они набегают на него.*

Первый *(вкрадчиво и зловеще).*

Ты помнишь пламенные губы,
Перед тобой они, гляди,
Прильни, целуй, кусай их грубо…

Актеон. О, пощади, о, пощади!

Второй *(так же).*

Ты помнишь грудь, как плод созрелый,
Перед тобой она, гляди,
Сожми ее рукою смелой…

Актеон. О, пощади, о, пощади!

Третий *(так же).*

Ты помнишь ослабевший пояс,
Перед тобою он, гляди,
Сорви его, не беспокоясь…

Актеон. О, пощади, о, пощади!

Все трое *(вместе).*

Беги, сок жил твоих отравлен,

Но ты склоняешься, дрожишь,
Ты нашей воле предоставлен
И никуда не убежишь.

Актеон мечется еще немного, потом падает, остальные разбегаются. Немного погодя входят Эхион и Агава.

Агава *(зовет).*

Сыночек, сыночек, иди с нами,
В доме тепло, а здесь сыро.

(Замечает лежащего, наклоняется к нему и отшатывается)

А сыночек-то в шерсти и с рогами,
Хуже самого последнего сатира.

Занавес